

Школа бывальского

Петр БЫВАЛЬСКИЙ, педагог

Комплекс неполноценности

Государственная концепция модернизации образования очень похожа на танк, единственная цель которого — вернуться от летящих со всех сторон вражеских снарядов. Экипаж уже давно забыл о цели движения, а помнит только о том, что надо выжить.

Итак, свершилось — правительством утверждена «Концепция модернизации российского образования». Средства массовой информации расточали приторно, сладкие победные репортажи. Сам министр образования на встрече с журналистами выглядел довольным и умиротворённым, его вид вселял уверенность, что все споры и связанная с ними нервоотрепка позади. «Мы отсекали все крайности», — светясь благодушием, заявил он и перечислил основные положения, содержащиеся в концепции. Не смутил его и вопрос о цели модернизации, на который он ответил, что теперь школа будет давать фундаментальные знания, которые должны быть социально необходимы и практико-ориентированы.

Только дело-то в том, что практико-ориентированность и фундаментальность — понятия относительные, их содержание определяется, прежде всего, целями и задачами, которые ставит перед собой государство, когда «подминает» под себя общество. Наметив огромное количество частных инициатив, государство и общество сегодня по-разному понимают задачи, которые стоят перед образовательной системой. Для части общества цель образовательного процесса уже сформировалась: детский сад должен готовить к школе, школа к вузу, а вуз?.. На выходе из вуза, как показывают опросы выпускников, степень удовлетворённости полученной подготовкой зависит от того, на какой основе проходило обучение — бюджетной или коммерческой. Это косвенно свидетельствует о том, что официальная система образования не придаёт большого значения возможности карьерного роста выпускников вузов (а именно на неё в общественном сознании должен быть ориентирован образовательный процесс), считая действительной целью лишь некоторый объём знаний, обусловленный вузовской программой.

Лучшим каждому кажется то, к чему он имеет охоту.

Есть в обществе и другой подход к целям образования: не важно, как ребёнок учится и готовит ли его школа к конкретной карьере; дайте ему психологическую защищённость и возможность развиваться и он сам найдёт свой путь. К сожалению, у нас пока нет школы, соответствующей такому общественному запросу. Более того, не видно, чтобы государство предпринимало усилия для её строительства. Напротив, разрыв между образовательными парадигмами и образовательной практикой всё увеличивается.

Практика зачастую противоречит идеям гуманизации и демократизации школы. Вот один из многих примеров. Мой коллега без всякого смущения нарисовал на уроке схему школьной иерархии, в которой ученики оказались в основании огромной пирамиды с директором на вершине, и был чрезвычайно удивлён возмущённым протестом своих учеников. Строго осуждать своего коллегу я не буду. Он так видит действительное положение реальной школы. Исследования социологов выявили, что уже сформировалась большая группа учителей, которые устали от инноваций и не хотят никаких реформ. Новейшие концепции и технологии, теоретически проработанные и подтверждённые педагогической практикой, не находят широкого применения в учительской среде.

Похоже, что эти факты вызывают удивление только на московском уровне. Некоторые провинциальные образовательные центры уже давно живут вне контекста будоражащих событий новомодной «модернизации». До сих пор не могу оправиться от впечатлений, полученных в одном из региональных центров юга России, куда меня пригласил мой бывший однокашник, тоже учитель истории. Два часа полёта на дребезжащем, как несмазанная телега,

ТУ-134, словно в волшебной машине времени, перенесли меня на 20 лет назад. Вместе с другом я побывал на городском совещании преподавателей истории. Долго, оторопело смотрел на программу семинара. Мне даже показалось, что я сплю сладким застойным сном. Судите сами. К обсуждению было предложено три вопроса:

1. Международное значение Великой Октябрьской революции.
2. Окончательный крах в стране антинародного «либерально-демократического режима».
3. Дальнейшее углубление кризиса капитализма и наши задачи.

Если на клетке слона прочтёшь надпись «буйвол», не верь глазам своим.

На высказанное мной недоумение в связи с такой проблематикой коллега заметил, что удивляться тут нечему. Ведь в городе теперь историками руководит новый заместитель по идеологии и воспитанию — тот самый, кто десять лет назад тем же занимался в крайком партии. Естественно, что всё подавалось под соусом патриотического воспитания. Докладчик страстно убеждал учителей, что главное — взрастить ненависть к Америке, которая наконец-то, слава Богу, получила по заслугам. Слушая его, я как-то по-другому стал воспринимать и часто употребляемые докладчиком привычные педагогические термины: **фронтальный** опрос, **единый** орфографический **режим** и другие. Особенно впечатляюще прозвучал **контрольный срез**. Так и дохнуло от этого термина жаром красной конницы, несущей по миру международное значение Великого Октября и победно углубляющей кризис капитализма, со всего размаха сносящей саблями головы всяким гнилым либералам и демократам.

Только вот эта курьёзная история не слишком веселит. Боюсь, что все эти забавы закончатся тем, что модернизация, «оседлав» концепцию, уедет в одну сторону, реальная школа — в другую, а общество и живые дети уйдут в третью.

Ужас без конца

Если мы не решим, как учить, как поддерживать достаточный уровень мотивации к познавательной деятельности, то стандарты и закон о них совершенно бессмысленны.

Ещё в студенческие годы запомнилась мне одна поговорка: лучше ужасный конец, чем ужас без конца. Теперь я всё чаще вспоминаю её, когда задумываюсь над ситуацией, сложившейся вокруг образовательных стандартов.

На протяжении последнего десятилетия эпопея со стандартами неизменно приковывала к себе внимание общества. Их разработка непрерывно велась все эти годы. Более того, дважды «призрак» стандартов почти материализовывался. Но педагогическое сообщество каждый раз подвергало проект стандартов уничтожающей критике.

В чём же причина такой нелюбви? Ответ на данный вопрос лежит в трёх плоскостях. Прежде всего, само слово «стандарт» окрашено в российском восприятии в негативные тона. Согласитесь, что в выражениях «стандартное мышление», «стандартная планировка» никакой позитивной оценки не содержится. За ними угадывается что-то шаблонное, нивелирующее, загоняющее в рамки, тягостные для свободной и широкой русской души.

Вторая причина негативного отношения к образовательным стандартам связана с опасением, что их введение положит конец педагогическому творчеству, усилит «зуновскую направленность» содержания образования и ослабит творческо-развивающую, что в итоге приведёт все школы к единому безрадостному официальному знаменателю. И сколько бы директора авторских учебных заведений инновационного склада не утешали нас, что ничего подобного не произойдёт, а, наоборот, педагогическое творчество расцветёт ярким цветом, — им всё равно не верят, потому что весь учительский жизненный опыт свидетельствует как раз об обратном.

Глупец гадает; напротив того, мудрец проходит жизнь как огород, наперёд зная, что кой-где выдернется ему репа, а кое-где и редька.

Естественно, что, наряду с этими кардинальными возражениями против введения стан-

дартов, накопилось и множество конкретных замечаний. Главным образом, они связаны с тем, насколько удачно составлен стандарт по тому или иному предмету образовательной области.

Сразу подчеркнём, что предлагаемые сейчас образовательные стандарты в лучшую сторону отличаются от своих незадачливых предшественников. Можно выделить два позитивных фактора: образовательный стандарт носит подчёркнуто рамочный характер, а значит, оставляет пространство для педагогического творчества; образовательный стандарт впервые намерены тесно увязать с социальным стандартом, которого пока ещё и в помине нет. Но первый шаг в этом направлении сделан: авторы стандартов впервые честно признают, что предлагают тот минимум среднего образования, который государство обязуется выдать всем и бесплатно. При этом оно вовсе не гарантирует выпускнику поступление в вуз с ЕГЭ или без него. Как раз за тот уровень знаний, который станет пропуском в институт, и придётся приплатить. Именно отсюда проистекают восторги СМИ о том, что наконец-то образование приобрело государственно-общественный характер.

Очевидно, что достижение определённых Законом и стандартами показателей в образовательной сфере должно быть подкреплено строго соответствующими материально-финансовым обеспечением и новыми управленческими решениями.

Имея в виду какое-либо предприятие, помысли, точно ли оно тебе удастся.

Сегодня уже странно мерить нагрузку на учащихся часами, ведь учителя хорошо знают, что бывают уроки, которые пролетают как одно мгновение, но есть и те, что тянутся бесконечно. Наши дети чувствуют время так же, как мы, и им не безразлично, **что** изучать и **как** это делать.

Стремясь узнать мнения преподавателей о предлагаемых стандартах по различным дисциплинам, я устроил небольшой экспресс-опрос среди педагогов своей школы. Вот что выяснилось. Мои внимательные коллеги заметили в стандартах явную тенденцию к «осовремениванию» содержания образования, но подчеркнули, что делается это за счёт введения в программы всё более и более абстрактных для учащихся понятий и целых разделов. Такой подход опасен вдвойне. Он усугубляет уже существующий знаниевый «крен»: наши дети плохо умеют применять в жизни полученные в школе знания.

Вторая опасность заключается в том, что в современном мире трудно угнаться за стремительно обновляющимися научными знаниями. Представления о мире меняются кардинально, и, возможно, уже через 10–20 лет некоторые разделы требований к знаниям детей будут выглядеть нелепо.

Учителей тревожит и то, что стандарты приводят к потере всякой внутренней логики в предмете, превращая его в невнятный ознакомительный курс. Так, например, случилось со стандартами по истории. А в требованиях по географии перед выпускниками ставится задача «анализировать и объяснять с географических позиций процессы взаимодействия общества и природы». Мои коллеги выразили горячее желание узнать, что же скрывается за этой формулой и как авторы этого раздела предполагают учить детей осуществлять поставленную задачу?

Таким образом, анализ отзывов педагогов вскрывает ещё один серьёзный изъян проекта стандартов. При заявленном стремлении к интеграции знаний материалы предметов сбалансированы между собой очень слабо. В стандартах трудно отыскать какие-нибудь объединяющие предметы требования к целям и задачам образовательного процесса.

Удар по профилю

Создание поля проб не только даёт ребёнку право на ошибку, но и делает его выбор осознанным.

Бывая в школах и детских садах различных городов России, радуюсь тому, что в них кипит интересная жизнь. Сокрушаюсь вместе с учителями и воспитателями по поводу их нелёгкого существования. И всё больше убеждаюсь, как месяц за месяцем расходятся между

собой программа модернизации образования и реальность. Не то чтобы планы модернизаторов выглядели иллюзорными или были устремлены в некое прекрасное далёко, не имеющее ничего общего со школьной повседневностью. Нет! Здесь проблема значительно сложнее. Как это ни парадоксально, но по некоторым направлениям планы модернизации отстают от результатов, достигнутых в лучших школах России — победителях конкурсов «Школа века» и «Школа года».

В значительной степени это касается и разрабатываемых сегодня планов профилизации старшей ступени школы — будущих 11–12-х классов. В наше время непрактично стремиться научить всех и всему и в связи с этим дифференциация учащихся в зависимости от их склонностей к тому или иному циклу дисциплин выглядит благом. Она и стала бы им, если бы профильное обучение было введено, как это намечалось, ещё в конце пятидесятих годов. Однако за 90-е годы в наших лучших школах осуществлён переход к **индивидуализированным программам** образования, то есть к следующему, качественно более высокому, чем профильная дифференциация, этапу.

Конечно, многое зависит от того, как будет осуществляться эта самая профилизация. Существует две совершенно противоположные модели. Первая признаёт существующую реальность: уже работает ряд школ, создавших образовательное поле, в котором у детей появилась возможность попробовать себя на разных направлениях не только профилизации, но и профессионализации. Если этот подход к проблеме восторжествует, то снимется возражение о том, что осознанный выбор будущего для большинства подростков не возможен, так как он продиктован не истинными желаниями и наклонностями подростка, а влиянием родителей, товарищей и зависит от многих других факторов, которые трудно учесть. Создание поля проб даёт ребёнку право на ошибку, делает его выбор осознанным, развивает его индивидуальные особенности, позволяет ему построить собственную образовательную траекторию и самореализоваться. Именно это, похоже, и пугает идеологов профилизации и модернизации. Они боятся потерять возможность регулировать и регламентировать содержание образовательного процесса. Предложенный реальной жизнью подход плохо соотносится и с вводимым в рамках модернизации единым государственным экзаменом (ЕГЭ), и с образовательными стандартами.

Увы, но часто случается, что модернизаторы натываются на «старые грабли». Они вбросили в массы несколько противоречивых лозунгов и идей, механизм воплощения которых был не до конца понятен, и теперь тонут в противоречиях собственной концепции.

Похоже, что вторая возможная модель модернизаторам ближе. Её смысл — в унификации профилизации. Напомню, что именно избавление от всеобъемлющей унификации стало главной победой реформаторов школы последнего десятилетия. Теперь возможен новый виток унификации, связанный с жёсткой профилизацией. Если цель модернизации в индивидуализации образования, то вторая модель может дать эффект прямо противоположный.

Одним словом, повторяется уже многократно сыгранный спектакль, в котором герой сначала создаёт трудности себе и, что значительно хуже, другим, а потом героически ищет выход из запутанной им ситуации.

Фактически профилизация обострила основное противоречие модернизации. Оно в том, что, с одной стороны, модернизаторам приятно поговорить о гуманизации, демократизации школы и индивидуализации учебного процесса, а с другой — жёсткая экономическая необходимость заставляет идти по пути унификации и повышения контроля. Две противоположные модели профилизации только подчёркивают это противоречие.

Специалист подобен флюсу: полнота его односторонняя.

Есть и более жёсткий аспект этой проблемы, о котором предпочитают не говорить. **В наших социально-экономических условиях мы вынуждены будем учитывать не столько индивидуальные желания молодых людей самореализоваться, сколько необходимость ориентировать образование на потребности государства и рынка.** Так как интересы общества, государства и рынка совпадают, мягко говоря, не всегда, нашей школе опять

придётся расстаться с недавно обретенными демократическими ценностями. Более того, с официальным приближением профилизации всё жёстче встанет вопрос: «А кто и как будет за неё платить?»

Вряд ли этот процесс пойдёт безаветно и самопроизвольно, если не будет принято самое простое решение и детей не поделят на «физиков» и «лириков», изъяв из соответствующих программ непрофильные предметы. Не очень понятно только, зачем затеян весь этот шум? Ведь с такой «профилизацией» успешно справляются лицеи (готовящие по предметам технического и естественнонаучного профиля) и гимназии (дающие углублённую подготовку по предметам гуманитарного профиля).

В чём же тогда смысл создания общеобразовательной профильной школы — ответ очевиден. Предполагается, что стандарт образования будет не столько содержательным, сколько экономическим документом. Он определит, что каждый гражданин получит от государства в сфере образования бесплатно, а за что должен будет платить. Профилизация школы позволит государству отказаться от финансирования лицеев и гимназий и начать официально взимать деньги с граждан за новую услугу. При этом совершенно не очевидно, что часть этих средств достанется учителям. Не факт, что это приведёт и к улучшению качества образования.

Если хочешь быть покоен, не принимай горя и неприятностей на свой счёт, но всегда относись к ним как к казённым.

А вот забот, если вслед за экономическим аспектом модернизаторы попробуют изменить и содержательный, прибавится. Не секрет, что в старших классах общеобразовательных школ мы традиционно пытаемся вложить в подростков специализированные знания, получаемые на Западе только в университетах. Эффективность этого процесса не велика, а сами знания устаревают всё быстрее. Поэтому впору задуматься над вопросом: будет ли профилизация идти по пути специализации и усложнения в преподавании профильных дисциплин или найдётся некий иной путь? В любом случае потребуются переподготовка огромной армии учителей и кардинальное изменение существующей системы подготовки педагогов. Скорее всего, начнётся маята с утверждением учебных планов, программ различных профилей, новых учебников. Кто и сколько должен будет за это заплатить? А самое главное — останутся ли после этих масштабных затрат деньги на повышение пусть не статуса, но хотя бы зарплаты учителей?